

DOI: 10.17976/jpps/2018.02.10

КРИЗИС ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В США И СТРАНАХ ЕС: ПРИЧИНЫ И ХАРАКТЕРИСТИКИ

В.М. Сергеев, А.А. Казанцев, К.Е. Петров, С.М. Медведева

СЕРГЕЕВ Виктор Михайлович, доктор исторических наук, директор Центра глобальных проблем ИМИ МГИМО МИД России. Для связи с автором: laris-pulena@rambler.ru; **КАЗАНЦЕВ Андрей Анатольевич**, доктор политических наук, директор Аналитического центра ИМИ МГИМО МИД России. Для связи с автором: andrka@mail.ru; **ПЕТРОВ Кирилл Евгеньевич**, кандидат политических наук, научный сотрудник ИМИ МГИМО МИД России. Для связи с автором: orkir@mail.ru; **МЕДВЕДЕВА Светлана Михайловна**, кандидат политических наук, доцент кафедры философии МГИМО МИД России. Для связи с автором: svetamedvedeva@mail.ru

Сергеев В.М., Казанцев А.А., Петров К.Е., Медведева С.М. Кризис партийно-политической системы в США и странах ЕС: причины и характеристики. — Polis. Политические исследования. 2018. № 2. С. 130-149. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.10>

Статья поступила в редакцию: 06.07.2017. Принята к печати: 18.12.2017

Аннотация. В статье рассматривается ряд кейсов, относящихся к тенденциям развития партийно-политических систем в США и странах ЕС; на их основе анализируются причины кризиса партийно-политической системы в странах Запада. К их числу авторы относят следующие факторы: во-первых, наличие проигравших от глобализации, в том числе среди нижней части среднего класса; рост конкуренции со стороны мигрантов как в плане доступа к рабочим местам, так и, особенно, в получении социальных выплат; психологическую готовность ряда проигравших представителей среднего класса объяснять ухудшение своего социально-экономического положения следствием глобального “сговора элит”. Во-вторых, разрушение в ходе глобализации и становления постиндустриальной экономики традиционной структуры индустриального общества и связанная с этим деградация сложившегося политического консенсуса право- и левоцентристских партий, который в сфере политики способствовал продвижению глобализации; отрыв глобализованной элиты от среднего класса стран Запада в уровне и стиле жизни. В-третьих, виртуализация политики и появление новых типов массовой коммуникации, слабо контролируемых централизованно и позволяющих различным альтернативным силам легко находить контакт с массовой аудиторией; тактические ошибки в виде попыток демонизации новых политических движений со стороны мейнстримных сил и контролируемых ими традиционных медиа, что усиливает протестные настроения среди недовольной части среднего класса. Как результат, набирает силу антиглобалистская идентичность. Использование образа врага-мигранта или врага-глобального капиталиста позволяет альтернативным движениям мобилизовать значительное число сторонников. Альтернативные движения в результате “захвата изнутри” (в США) или “вызова снаружи” (в странах ЕС) теснят своих конкурентов, имеющих центристскую позицию. В странах ЕС это привело к частичному демонтажу устоявшихся партийных систем и завоеванию серьезного числа мест в парламентах представителями новых партий “альтернативного характера”. В США под влиянием ослабления умеренных крыльев внутри республиканцев и демократов, что стало одним из важных факторов, приведших к победе Д. Трампа на президентских выборах 2016 г.

Ключевые слова: глобализация; партийные системы; эволюция партийно-политических систем; ЕС; США; радикальные движения; антиглобалистские движения; Захвати Уолл-стрит; Движение чаепития; Движение пяти звезд; Альтернатива для Германии.

В предыдущей статье мы проанализировали тенденцию к трансформации политических партий Запада, связанную с процессом глобализации [Сергеев, Казанцев, Петров 2017]. Особенности эволюции традиционных партийно-политических систем стран Запада стали предметом описания гораздо раньше: так, уже с начала 1950-1970-х годов в работах С.М. Липсета, С. Роккана, Дж. Сартори говорилось о сложностях массовых партий и мобилизующих идеологий [Lipset 1960; Lipset, Rokkan 1967; Sartori 1976; Pasquino 2005]. Снижение остроты классового конфликта и, соответственно, переопределение традиционных “левых” и “правых” произошло еще в 1950-е годы. В работе “Политический человек” [Lipset 1960] С.М. Липсет пишет, что политическое влияние левых идеологий снижается повсюду в западном мире. В 2000 г. он повторяет этот тезис на примере США [Lipset, Marks 2000].

Также достаточно хорошо отражены в классической литературе истоки тенденции к росту значимости проблем идентичности и “мультикультурализма”. Влияние на партийные системы отношения избирателя к “постматериалистическим” ценностям выступает предметом исследований с середины 1970-х годов [Inglehart 1977]. Отметим, что в настоящее время важнейшим моментом “постматериалистического” характера стало отношение партий и избирателей к мигрантам, чего классические работы по “постматериальным ценностям” не предусматривали, равно как и смешение элементов традиционного “правого” и “левого” в идеологии ряда современных партий.

Рассматриваемые в данной статье тенденции отражены в огромном массиве современной литературы [Nortis 2004]. Они, в частности, показывают, что у успеха “альтернативных” партий до начала мирового экономического кризиса была длительная предыстория. Часть тенденций в эволюции политических партий отражена в статье Р. Гюнтера и Л. Даймонда [Gunther, Diamond 2003], строящей новую типологию политических партий. В ней описываются появившиеся в 2000-е годы типы “новых партий” или “партий-движений”, смешивающих классические старые идеологии, в частности, “лево-либертарианские” (*left-libertarian*) и “постиндустриальные радикально правые” (*post-industrial extreme right*). Процесс трансформации старых и формирования новых партий в странах Запада принял особенно бурный характер с началом глобального экономического кризиса. Само по себе изучение этого процесса дает многое для понимания устройства политической жизни западных стран.

По разные стороны Атлантики процессы трансформации серьезно отличаются друг от друга. В США в качестве основы политического процесса сохраняется классическая двухпартийная система, несмотря на избрание президентом противостоящего традиционной республиканской элите Д. Трампа, а также второе место на праймериз Демократической партии “социалиста” Б. Сандерса. В ряде стран Западной Европы партийная структура не выдерживает давления. Поначалу стали бурно возникать “партии одного вопроса” (например, “пиратские партии”). Под воздействием экономического кризиса в 2008 г. часть возникших ранее партийных структур серьезно трансформировалась, переняв альтернативные “мейнстриму” идеологию и риторику. Кроме того, возник целый ряд новых общенациональных партий “альтернативного” характера, быстро получивших весомую поддержку избирателей. Представляется, что более подробный анализ ряда случаев, в которых проявляются эти тенденции, следует вести с учетом специфики европейского и американского пути развития.

НОВЫЕ ДВИЖЕНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭВОЛЮЦИЮ ПАРТИЙ В США

За последние десять лет в политической жизни США стали широко известны два движения, активно противостоявшие традиционным партийным структурам: “Движение чаепития” (*Tea Party Movement*; далее *TPM*) и “Захвати Уолл-стрит” (*Occupy Wall Street*; далее *Occupy*). Наиболее громкие акции *TPM* пришлись на 2009–2010 гг., движение *Occupy* стало фактором общественной жизни США осенью 2011 г.

Деятельность отдельных групп, ориентированных на идеалы *TPM*¹, подготовила ослабление позиций традиционных республиканских политиков, а многие рядовые активисты поддержали Д. Трампа в ходе республиканских праймериз 2016 г. как наиболее антиистеблишментного кандидата. Движение *Occupy* и его популярность в кампусах университетов и среди интеллигенции, несомненно, оказало влияние на неожиданный успех социалиста Б. Сандерса в ходе праймериз Демократической партии.

Оба движения хорошо иллюстрируют тезис о возможности “захвата традиционных партий изнутри”. При этом успешность *TPM* оказалась в этом плане даже выше, чем у *Occupy* [Arceneaux, Nicholson 2012; Amedee 2013].

TPM – децентрализованное политическое движение, возникшее для координации протестных акций. Оно характеризовалось как совмещающее элементы консервативного, либертарианского и популистского² [Kirby, Ekins 2012]. Движение так до сих пор и не имеет единой неизменной программы. Отсутствие формальной структуры или иерархии позволяет каждой автономной группе устанавливать свои собственные приоритеты и цели, которые часто различаются от группы к группе [Rauch 2010; DiMaggio 2011].

Стартовав с многочисленных протестных акций прямого действия, направленных, как правило, против федерального правительства и политического класса в Вашингтоне, достигших наибольшего масштаба в апреле 2009 г.³, движение постепенно разочаровалось в возможностях давления на институты государственной власти⁴ и перешло к тактике изменения позиций Республиканской партии.

Протестная активность *TPM* с 2010 г. утратила силу. Само движение из протестного стало политическим. Число отделений движения по всей стране уменьшилось с 1000 до приблизительно 600. Это количество оценивается как очень хорошее с точки зрения коэффициента выживаемости. Организации *TPM* перешли от национальных демонстраций к решению локальных вопросов⁵.

Часть активистов и спонсоров сосредоточились на более традиционном формате поддержки дружественных кандидатов в ходе праймериз

¹ Авторы выражают благодарность доктору физ.-мат. наук М.М. Чайковскому за участие в одном из проектов Аналитического центра ИМИ МГИМО, посвященному анализу *TPM* в США. В данном разделе использованы некоторые материалы этого проекта.

² Arrillaga P. 3 Years Later, What's Become of the Tea Party? – *Associated Press*. 14.04.2012. URL: <https://www.yahoo.com/news/3-years-later-whats-become-tea-party-205645508.html> (accessed 06.04.2017); Barstow D. Tea Party Lights Fuse for Rebellion on Right. – *New York Times*. 15.02.2010. URL: http://www.nytimes.com/2010/02/16/us/politics/16teaparty.html?_r=1& (accessed 06.04.2017).

³ Jonsson P. Arguing the Size of the ‘Tea Party’ Protest. – *The Christian Science Monitor*. 18.04.2009. URL: <http://www.csmonitor.com/USA/2009/0418/p25s03-usgn.html> (accessed 06.04.2017).

⁴ В таких вопросах, как ограничение размера федерального правительства, снижение правительственных расходов, уменьшение национального долга и противодействие увеличению налогов [Foley 2011].

⁵ Arrillaga P. 2012. *Op. cit.*

Республиканской партии⁶ и последующих выборов. Ряд специалистов даже полагает, что в результате в Республиканской партии произошла “революция” [Williamson, Skocpol, Coggin 2011].

В 2010 г. газета *New York Times* сообщила, что 138 кандидатов в конгресс пользовались значительной поддержкой *TPM*; все они вышли на выборы как республиканцы (129 кандидатов в палату представителей и 9 кандидатов в сенат)⁷. Согласно информации блога *NBC*, 32% кандидатов, которых поддерживало движение, или которые идентифицировали себя как участники движения, выиграли на выборах⁸.

На праймериз в штатах Колорадо, Невада и Делавэр поддерживаемые движением кандидаты в сенат от республиканцев победили кандидатов от “истеблишмента” партии (ожидаемых победителей праймериз), но проиграли основные выборы своим оппонентам-демократам [Jacobson 2011]. Некоторые из кандидатов, поддерживаемых *TPM*, одержали победу в борьбе с признанными республиканцами на праймериз. Среди выигравших выборы кандидатов, поддерживаемых движением, — Рэнд Пол (сын Рона Пола), ныне сенатор от штата Кентукки.

На выборах 2012 г. кандидаты, поддерживаемые движением, были менее успешны. Четыре кандидата из 16 прошли в сенат, а основатель “Кокуса чаепития” Мишель Бахманн была переизбрана в палату представителей.

TPM не является национальной политической партией. Опросы на избирательных участках показывают, что участники движения в подавляющем большинстве считают себя республиканцами, а сторонники движения имеют тенденцию к поддержке республиканских кандидатов. В октябре 2010 г. газета *Washington Post* в подробном опросе 647 организаторов локальных групп движения обнаружила, что 87% респондентов разделяют мнение, что “неудовлетворенность лидерами основного направления республиканской партии” была “важным фактором в поддержке, полученной группой”⁹.

Организационно *TPM* представляет собой свободное объединение национальных и локальных групп, которые используют любые легальные возможности для финансирования политической деятельности. Юридически и институционально движение поддерживали на национальном уровне известные организации, в том числе некоммерческие:

– “Патриоты чаепития” (*Tea Party Patriots*), организация, располагающая более чем 1000 аффилированных групп по всей стране, провозгласила себя “официальным домом движения чаепития”;

– “Американцы за процветание” (*Americans for Prosperity*), основанная Дэвидом Коуком, имеет более 1 млн участников в 500 локальных отделениях, протестовала против реформы здравоохранения (“*Obamacare*”) в 2009 г.;

⁶ Lexington. Anger Management. — *The Economist*. 05.03.2009. URL: <http://www.economist.com/node/13235069> (accessed 06.04.2017).

⁷ Zernike K. Tea Party Set to Win Enough Races for Wide Influence. — *New York Times*. 14.10.2010. URL: http://www.nytimes.com/2010/10/15/us/politics/15teaparty.html?_r=1&hp (accessed 06.04.2017).

⁸ Moe A. Just 32% of Tea Party Candidates Win. — *NBC News*. 03.11.2010. URL: http://firstread.nbcnews.com/_news/2010/11/03/5403120-just-32-of-tea-party-candidates-win (accessed 06.04.2017).

⁹ Gardner A. Gauging the Scope of the Tea Party Movement in America. — *Washington Post*. 24.10.2010. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2010/10/23/AR2010102304000.html> (accessed 06.04.2017).

— “Дела за свободу” (*Freedom Works*), имеет более миллиона участников в 500 локальных отделениях и обеспечивает локальную и национальную поддержку кандидатов;

— “Экспресс чаепития” (*Tea Party Express*), национальный автобусный тур;

— Коммерческая организация “Нация чаепития” (*Tea Party Nation*), спонсировавшая в 2010 г. съезд движения; неформальные организации и коалиции;

— “Национальная федерация чаепития” (*National Tea Party Federation*), сформированная в апреле 2010 г. несколькими лидерами движения.

Через некоторое время спекуляция на идеях движения привела к появлению целой сферы бизнеса по сбору денег на воплощение в жизнь идеалов движения, что граничило с прямым мошенничеством. При отсутствии контроля за брендом мимикрировать под него оказалось крайне просто.

Таким образом, *TPM* — яркий пример синтеза двух начал. С одной стороны, оно использует силу низовой гражданской инициативы, т.е. является классическим *grassroots* движением [Hinkle et al. 1996]. Причем движением антиэлитным, направленным как против общенационального истеблишмента, связанного с федеральным правительством, так и против традиционного руководства Республиканской партии.

С другой стороны, в его моделирование, финансирование и формирование оказались активно вовлечены очень богатые люди. Некоторые источники заявляют, что существенными вдохновителями движения были братья Кох, владельцы компании *Koch Industries*, второй по величине частной компании в США¹⁰. В 2013 г. было опубликовано исследование, установившее, что организации, из которых состоит движение, были связаны с НКО, с которыми работали и которые финансировали табачные и другие корпорации, включая группы “Граждане за здоровую экономику” (*Citizens for a Sound Economy*), основанные братьями Кох¹¹ [Fallin, Grana, Glantz 2013]. Утверждалось, что Дэвид и Чарльз Кох обеспечивают финансирование и организацию *TPM* через организацию “Американцы за процветание” (*Americans for Prosperity*), финансируемую Дэвидом Кохом, который также основал группу “Граждане за здоровую экономику” (ее часть впоследствии влилась в группу “Дела за свободу”¹² [Jane 2010]).

В свою очередь, движение *Occupy* возникло как децентрализованная гражданская инициатива радикально антиглобалистского и антикапиталистического характера. Большинство экспертов полагает, что причиной вспышки гражданских протестов и насилия стала нереализованность обещаний 2008 г. со стороны администрации Б.Обамы¹³. Многие, особенно в консервативных кругах, считают ор-

¹⁰ Pilkington E. Americans for Prosperity sponsors Tea Party workshop. — *The Guardian*. 13.10.2010. URL: <http://www.theguardian.com/world/2010/oct/13/tea-party-americans-for-prosperity> (accessed 06.04.2017).

¹¹ DeMelle B. Study Confirms Tea Party Was Created by Big Tobacco and Billionaire Koch Brother. — *Huffington Post*. 11.02. 2013. URL: http://www.huffingtonpost.com/brendan-demelle/study-confirms-tea-party-_b_2663125.html (accessed 09.04.2017).

¹² Helderman R.S.; Gardner A. Tea Party Invests at Local Level in Virginia. — *The Washington Post*. 26.11.2010. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2010/11/25/AR2010112504072.html> (accessed 06.04.2017).

¹³ Мысль о протесте родилась в группе *Adbusters*, канадской некоммерческой антипотребительской организации. Активист журнала *Adbusters* Калле Ласн, когда его спросили, почему, для того чтобы начать протестовать, он ждал три года после развала *Lehman Brothers*, ответил, что после выборов президента Обамы среди молодежи было ощущение, что он будет принимать законы для регулирования банковской системы, “брать этих финансовых мошенников и привлекать их к ответственности”.

ганизацию движения технологий, спроектированной внутри Демократической партии, но затем вышедшей из-под контроля. В любом случае движение оказало серьезное влияние на низовые структуры Демократической партии, на повестку президентских выборов 2012 г., а также создало массовую базу поддержки кандидатуры Б. Сандерса на президентских выборах 2016 г. Изначально движение, носящее глобальный характер, зародилось в Канаде. Первая акция гражданского протеста в США, *Occupy Wall Street*, стартовала в Нью-Йорке 17 сентября 2011 г. Цель участников акции — длительный захват финансового центра города с целью привлечь внимание общества к господству в стране и мире финансовой элиты, а также призвать к структурным изменениям в экономике. Акция возникла спонтанно, по принципу флешмоба. У нее не было ярко выраженного лидера, хотя поддержка акции со стороны леволиберальных кругов политической элиты США была очевидна. Более того, акцию поддержала председатель нижней палаты конгресса Нэнси Пелоси¹⁴ [Desvarieux 2011].

Постепенно акция получила поддержку традиционных левых организаций. Так, 28 сентября 2011 г. демонстранты получили поддержку нескольких крупных профсоюзов, включая Союз транспортных работников, который насчитывает около 40 тыс. членов. Демонстранты в качестве политического слогана использовали обобщение “Нас 99 процентов” (*We are the 99%*). Лозунг служит отсылкой к расхождениям в доходах и влиянии между элитой, насчитывающей 1% населения, и всеми остальными гражданами США¹⁵.

Occupy Wall Street и другие подобные движения были организованы по принципу прямой демократии. Нью-Йоркская Генеральная Ассамблея (*The New York City General Assembly, NYCGA*), собирающаяся каждый день, выступала главным органом движения. На заседаниях различных комитетов движения члены Ассамблеи обсуждали свои соображения. Встречи были открытыми для общественности. Заседания проходили без формального лидерства, хотя некоторые члены регулярно выступали в качестве модераторов. Участники заседаний комментировали предложения комитета с помощью процесса, называемого “стэк” — очереди ораторов, к которой может присоединиться каждый протестующий.

Движение смогло построить рабочую систему самофинансирования¹⁶, получило публичное одобрение от важных медиа-персон и быстро распространялось географически. Уже в октябре 2011 г. протестная география включала 70 крупных городов и 600 населенных пунктов в США. Поэтому когда 15 ноября 2011 г. полиция Нью-Йорка очистила лагерь протестующих в Зукотти-парк, это не стало концом движения.

В силу специфики институционального дизайна системы государственного управления США федеральные власти оказались слабо вовлечены в вопросы противодействия движению *Occupy*. На первом этапе вопросы, связанные с разрешением деятельности движения или, напротив, противостоянием ему,

¹⁴ Desvarieux J. Pelosi Supports Occupy Wall Street Movement. — *ABC News*. 09.10.2011. URL: <http://abcnews.go.com/Politics/pelosi-supports-occupy-wall-street-movement/story?id=14696893> (accessed 06.04.2017).

¹⁵ Klein E. Who are the 99 percent? — *The Washington Post*. 04.10.2011. URL: https://www.washingtonpost.com/blogs/ezra-klein/post/who-are-the-99-percent/2011/08/25/gIQAAt87jKL_blog.html?utm_term=.c2488ca4adc3 (accessed 06.04.2017).

¹⁶ Леволиберальная вашингтонская организация “Альянс за глобальную справедливость” (*Alliance for Global Justice*) согласилась стать спонсором *Occupy Wall Street* и придать ей безналоговый статус.

оказались в ведении местных властей, все зависело от расстановки политических сил в городском самоуправлении. Леволиберальные силы поддерживали движение (Лос-Анджелес), правые силы противодействовали ему, используя городскую полицию (Нью-Йорк).

Оказавшись в позиции наблюдателя, федеральные власти собирали досье на участников движения (следует учитывать, что в США сам факт сбора досье оценивается как работа федерального правительства против какого-то движения). Департамент внутренней безопасности США в своих секретных документах, позднее появившихся в *WikiLeaks*, оценил движение как угрозу национальной безопасности.

К концу 2011 г. большая часть лагерей, протестующих в рамках движения *Occupy*, была разогнана. После масштабных полицейских мероприятий главной ареной противостояния выступили органы судебной власти, так как участники акций стали подавать в суд заявления против городских властей и полиции. Их поддерживали влиятельнейшие американские юристы левой и либеральной ориентации, позиция которых заключалась в том, что права американских граждан на свободу слова и публичное выражение собственной позиции были неправомерно ограничены. В свою очередь, противная сторона заявляла, что эти права в рамках американской конституции находятся в балансе с рядом других прав и потому не должны абсолютизироваться.

Необходимо остановиться на феномене победы Д. Трампа, не имевшего на момент регистрации номинантом никакого опыта политической деятельности¹⁷. Победе Трампа, несомненно, способствовала долгосрочная политика поддержки глобализации в период двух сроков президентства Б. Обамы, которая привела к переводу значительной части промышленности из США в развивающиеся страны. Следует отметить, что решения принимались скорее на уровне корпораций, чем федерального правительства, а тенденция к деиндустриализации США началась еще в период президентства демократа Б. Клинтона, если не раньше, и продолжилась при республиканце Дж. Буше-мл.

Основываясь на данных Всемирного Банка, Дж. Стиглиц утверждает, что “несмотря на увеличение ВВП на душу населения на 75% в период с 1980 по 2010 гг., доходы большей части работающих граждан США продолжают снижаться” [Стиглиц 2015: 84]. Мультимиллиардер Д. Трамп, избранный в президенты от Республиканской партии США, являет собой образец правого политика. Тем не менее он сумел успешно апеллировать к существенной части “синих воротничков” — традиционных избирателей Демократической партии, что было одной из причин его электоральных успехов. Отсутствие в бюллетенях Б. Сандерса, выступавшего против неолиберальной глобализации, также помогло им сделать выбор в пользу Д. Трампа.

Резкая поляризация политической системы в США и ослабление умеренных крыльев внутри республиканцев и демократов, проявившиеся в деятельности двух противостоявших друг другу течений (*TRM* и *Occupy*), были среди факторов, приведших к победе кандидата, который воспринимался как наименее связанный с традиционным политическим истеблишментом.

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ЕВРОПЕ

В целом можно проследить следующие этапы эволюции системы политических партий в Европе. До экономического кризиса 2008 г. альтернативные

¹⁷ Никогда не был депутатом, сенатором, никогда не избирался на выборные должности.

движения существовали в виде относительно слабых в электоральном плане анти- или альтерглобалистских группировок левой ориентации, а также в виде партий “одного вопроса” (к числу последних можно отнести “зеленых” и “пиратские партии”, борющихся за свободу интернета, преимущественно, в Северной Европе”). Одновременно существовали зачастую вытесненные за грань “рукопожатности” ультраправые партии старого типа, вроде “Национального фронта” во Франции¹⁸.

После экономического кризиса 2008 г. на базе антиглобалистских движений возникли мощные альтернативные партии, особенно в Южной Европе. Новые альтернативные партии возникли в Германии (“Альтернатива для Германии”, далее *AfD* – апрель 2013 г.), в Италии (“Движение пяти звезд”, далее *M5S*, – октябрь 2009), в Испании (“Подemos” – март 2014 г.), в Греции (разрозненная коалиция радикальных левых “Сириза” стала политической партией в июле 2013 г.), в Чехии (движение А. Бабиша *ANO* 2011 – май 2012 г.). Одновременно некоторые “старые” партии, например, “Лига Севера”¹⁹ в Италии, “Национальный фронт” во Франции, Партия независимости Соединенного Королевства (*UKIP*) совершили успешный ребрендинг, перейдя в категорию альтернативных и антиглобалистских партий.

Тяжелая экономическая ситуация, возникшая после кризиса 2008 г., привела также и к фактическому кризису политических систем в большинстве европейских стран. В результате нарастающего конфликта глобальная финансово-экономическая и политическая элита (возможно, временно) теряет контроль над политическими системами ведущих демократических государств [Мойзес 2015]. На прошедших в 2017 г. выборах во Франции и Германии кандидаты антиглобалистов (Марин Ле Пен, *AfD*) противостояли кандидатам мейнстримной и глобалистской ориентации.

Нарастание кризиса и эволюция политической системы до 2008 г.

В чем причины острого партийно-политического кризиса в странах ЕС? Каковы характеристики рождающихся на наших глазах новых политических сил? Каковы причины роста их популярности у избирателей?

Прежде всего, необходимо обратить внимание на наличие социальных групп (страт), проигравших от глобализации и, соответственно, недовольных политикой как право-, так и левоцентристских партий, долгое время игравших ключевую роль в рамках партийно-политических систем развитых стран Европы [Сергеев, Казанцев, Петров 2017].

В ходе глобализации даже в наиболее экономически развитых странах всегда были победители и проигравшие. Среди последних стоит обратить внимание в первую очередь на рабочих, занятых в отраслях, которые были переведены в страны “периферии” современной мировой экономики, главным образом из-за дешевизны там рабочей силы. Это вызвало серьезное недовольство среди рабочего класса развитых стран. Следующей значительно пострадавшей группой были представители среднего класса (в основном ин-

¹⁸ Характерен случай, когда в 2002 г. правоцентрист Жак Ширак демонстративно отказался дебатировать с вышедшим во второй тур Жаном-Мари Ле Пенем, против которого объединились все прочие политики. Кампания обструкции увенчалась успехом, Ле Пен набрал лишь 17,79% голосов, потерпев сокрушительное поражение.

¹⁹ Лига Севера (*Lega Nord per l'Indipendenza della Padania*) создана в 1980 г. для достижения целей федерализации Италии с закреплением преференций в пользу северных областей.

женеры и техники), рабочие места которых стали исчезать вслед за местами промышленных рабочих.

Автоматического перетока рабочей силы из промышленности в расширяющуюся сферу услуг не получилось. Там начала ощущаться серьезная конкуренция со стороны мигрантов, которые также заняли позиции в малом бизнесе и торговле. Помимо всего прочего, мигранты претендуют на существенную долю социальных выплат. В последние 10-20 лет миграция в развитые страны Европы сильно увеличилась по причине наложения друг на друга сразу нескольких кризисных ситуаций (вроде недавнего крушения государственности в ряде государств в ходе “арабской весны”), вследствие попыток правящих партий ряда европейских государств проводить политику мультикультурализма, а также в связи с особенностями демографической ситуации в ряде стран Европы, отличающихся очень низкой рождаемостью, особенно среди не мигрантов. Эта ситуация негативно сказалась на доступе к социальным выплатам, который важен для многочисленной группы представителей нижней части среднего класса европейских стран.

Факторы, вызванные глобализацией и связанные с изменением социальной структуры, привели к формированию новых оснований для партийной дифференциации, особо важную роль стало играть отношение партий к процессу глобализации. Оговоримся, что ни марксистский, ни любой другой экономоцентричный анализ национальным разделением труда никогда не ограничивался. Поэтому новация носит не теоретический, а скорее практический характер, т.е. глобальное разделение труда приобретает все большую значимость для политического процесса в странах Запада.

Недовольство глобализацией со стороны отдельных кругов менее образованной и благополучной части среднего класса зрело давно, однако в 1990-е годы недовольные составляли меньшинство. В условиях мирового финансового кризиса число недовольных резко увеличилось. Проект глобализации (строительства “глобальной мировой экономики”) перестал приносить экономическую выгоду среднему классу. А между тем рост среднего класса — ключевой элемент устойчивости демократических систем национальных государств [Fukuyama 2012]. Сокращение доходов работающих одновременно с ростом миграционных потоков в страны первого мира из стран третьего мира стало постоянным раздражающим фактором. Часть избирателей с меньшим образовательным уровнем стали считать ухудшение своего социально-экономического положения прямым следствием глобального “сговора элит”²⁰.

Среди факторов дестабилизации сложившейся партийно-политической системы особо следует отметить разрушение в ходе глобализации и становления постиндустриальной экономики традиционной структуры индустриального общества. Процессы созидания и разрушения в данном контексте стали неразрывно связаны. Соответственно, элементы социальной структуры индустриального общества, выступавшие электоральным базисом центристских политических партий, оказались в кризисе²¹. Например, левые партии традиционно опирались на сильное профсоюзное движение, основанное на наличии мощного промышленного производства. Наиболее характерный

²⁰ О роли стереотипов и мифов см. [Feuer 1975; Allport 1979; Адорно 2012].

²¹ См. более подробный анализ этой тенденции [Сергеев, Казанцев, Петров 2017].

пример — английские лейбористы. Перенос производств в страны третьего мира и становление постиндустриальной экономики привели к исчезновению традиционного рабочего класса и разрушению профсоюзов.

В 1990-е годы этот процесс был связан с ростом среднего класса — революцией “белых воротничков”. Тогда распад традиционной электоральной базы поразил левоцентристские и левые партии, а правоцентристы, наоборот, усиливались благодаря поддержке “среднего класса”. Однако по мере усиления экономического кризиса, начиная с 2000-х годов и в 2010-е годы, началась эрозия традиционной базы социальной поддержки правоцентристов, связанная с социально-экономическими проблемами среднего класса.

Образуются парадокс: сложившийся политический консенсус право- и левоцентристских партий, который в сфере политики способствовал продвижению экономических процессов глобализации, оказался частично подорван теми самыми глобализационными процессами, которые он поддерживал. Данный парадокс хорошо известен: например, подъем городов, связанной с ними рыночной экономики и буржуазной среды в средневековой Европе произошел в ряде стран (например, Франции) благодаря монархиям, но со временем именно новые социально-экономические отношения подорвали силу монархий.

Процесс размывания социальной базы в настоящее время наносит двойной удар по традиционным центристским партиям: во-первых, он ведет к усилению поддержки радикальных правых и левых групп вне традиционных центристских партий (“внешний вызов”); во-вторых, к усилению крыльев радикального направления внутри партий (“захват изнутри”). Для США были характерны попытки “захвата изнутри” системных партий, в конечном итоге даже приведшие к выдвиганию Трампа от Республиканской партии, вопреки воле большинства представителей ее истеблишмента. Для Европы же актуален “внешний вызов”.

139

Возможно, еще одной важной причиной коррозии социальной поддержки партийной системы стал отрыв глобализованной элиты от среднего класса стран Запада в уровне и стиле жизни. Этот отрыв стал столь серьезным, что представительство реальных интересов (в парламентах и в более широком смысле) одних другими стало достаточно сложным²².

Столкнувшись с экономическими проблемами часть среднего класса теперь отвергает идеологию политического класса, получающего выгоды от глобализации. Как результат, возникают требования: либо вернуть традиционный контроль со стороны национального государства над процессами глобализации (в сфере миграции, денежной эмиссии и т.д.), либо перейти к реализации альтерглобализационной схемы.

Еще одним важным фактором, связанным как с процессом глобализации, так и с процессом становления постиндустриальной экономики, стала виртуализация политики и появление новых типов массовой коммуникации. Информационная революция, связанная с появлением интернета и современных компьютеров, была ключевым элементом революции, приведшей к возникновению постиндустриальной экономики. Развитие новых средств коммуникации было частью процесса глобализации и, одновременно, одним из его важнейших движущих факторов. Однако парадоксальным образом именно появление новых средств коммуникации усилило и политические движения, противостоящие глобализации.

²² См. противопоставление по стилю жизни консьюмтариата и нетократов (новой глобальной элиты) [Бард, Зодерквист 2004].

Новые средства коммуникации на базе интернет-технологий слабо контролируются централизованно и позволяют различным альтернативным силам легко находить контакт с аудиторией [Кастельс 2000; Бард, Зодерквист 2004; Кастельс 2016]. В то же время традиционные СМИ, типа телевидения и газет, значительно легче поддаются контролю со стороны элитных групп. Хотя в настоящее время идет интенсивная разработка методик воздействия на пользователей интернета²³, все же возможности новых технологий по установлению контактов внутри широкой аудитории значительно превосходят возможности классических СМИ. Любопытно, что сам феномен глобализации с использованием информационных сетей стал зачастую способствовать формированию и распространению разного рода радикальных сетей, многие из которых по содержанию идеологии и систем ценностей выступили в оппозиции тому или иному аспекту процесса глобализации (принимая формы от легальных до противозаконных). Развитие информационных сетей привело к возникновению специфических групп интересов и, в конечном счете, к формированию “пиратских партий”, отстаивающих свободу использования интернета.

Популярности новых сил, использующих интернет как средство коммуникации, способствовали и попытки демонизации рождающихся в ходе политической борьбы новых политических сил со стороны традиционных медиа, что привело к росту протеста со стороны недовольной части среднего класса. Возникает эффект протестной поддержки и протестного голосования. Более того, как показывает “эффект *Brexit*”, стигматизация радикальной точки зрения и соответствующих политиков в мейнстримных СМИ может привести скорее к обратному результату в плане голосования (в соответствии с принципом “нет плохой рекламы”).

В предыдущей статье мы подчеркивали роль идеологемы “альтернативности” (антимейнстримности) как ключевой для новых политических движений, а также связанный с идеей альтернативности призыв к “невозможной политике” (политике, противостоящей общепринятому и устоявшемуся комплексу экспертных знаний, в рамках взаимодействия структур власти и знания) [Сергеев, Казанцев, Петров 2017]. В частности, сомнительным с точки зрения доминирующих экономических подходов является демонтаж или существенное реформирование всей системы включения национальных экономик в мировую экономику. Однако этот лозунг в условиях экономического кризиса получает широкую поддержку избирателей. Альтернативность в политической практике проявляется как резко отрицательное отношение к истеблишменту (политической элите). Еще один элемент политической практики новых движений – большее или меньшее неприятие традиционных организационных форм, которые ассоциируются с доминированием на национальном уровне истеблишмента, продвигающего в той или иной сфере идеи глобализации.

Другой общий момент, присутствующий в той или иной мере во всех новых движениях – это антиглобализм (альтерглобализм), та или иная форма неприятия существующей экономической системы. Очевидно, что все перечисленные выше моменты связаны. Существующая в развитых демократических странах политическая система, опирающаяся на право- и левоцентристские силы, которой соответствующая политическая сила, по ее собственному мнению, представляет “альтернативу”, воспринимается ее сторонниками как

²³ Например, постоянно совершенствуются технологии рекламы, дифференцированной для разных групп пользователей интернета (“микротаргетинг”).

способствующая экономической глобализации. Поэтому предлагается либо бороться и отвергнуть целиком, либо модифицировать как политическую, так и экономическую систему (в силу более или менее явно постулируемого наличия их взаимосвязи). Однако далее начинаются очень серьезные различия ценностно-идеологического характера между конкретными новыми движениями. Именно эти различия мы попытаемся проанализировать ниже.

Откуда берутся эти различия? Как мы отмечали, глобализация как явление может чисто психологически восприниматься как “сговор” наднациональных элит. Антиглобалистская специфика новых движений подпитывается тем, что определенные группы избирателей считают, что глобализация происходит “за их счет” и приносит им реальный экономический ущерб. Данный “сговор” по-разному интерпретируется в разных социальных и культурных группах, характеризующихся различными системами ценностей и идеологиями.

Одни из этих групп связаны с традиционными правыми, другие — с традиционными левыми идеологиями. Отсюда проявляющаяся в идеологиях или системах ценностей тех или иных структур связь с традиционными идеологемами правого или левого фланга (правда, часто она реализуется через обвинения центристских партий в “предательстве” соответствующей идеологии). При этом во всех случаях достаточно легко возникает более или менее ярко выраженная антиглобалистская идентичность и соответствующий “образ врага” (в лице той или иной силы, связанной с глобализацией). Это позволяет быстро электорально мобилизовать значительное число людей в условиях кризиса традиционных социальных структур.

Кроме описанной выше субъективно-психологической специфики восприятия ситуации разными социальными группами очень высокую вариативность альтернативным движениям придает также объективное наличие разных уровней и аспектов процесса глобализации. Разнообразные движения, в зависимости от того, какие социальные группы они представляют, могут по-разному относиться к тем или иным “срезам” глобализации: свободе международной торговли и инвестиционной активности, роли финансового капитала и финансовых рынков, массовой миграции, мультикультурализму как культурной политике и т.п.

Наконец, существует специфика национальных экономик, политических систем и культур, в рамках которых функционируют описанные нами структуры, что также добавляет вариации в их идеологии и системы ценностей.

Очевидная проблема трудности описания нюансов альтернативных движений возникает из-за привычного членения политического пространства с традиционной “мейнстримной” точки зрения, где их привыкли оценивать в парадигме “правый-левый” с помощью стандартных критериев²⁴. В результате к описанию соответствующих структур, чтобы ухватить специфику их отличия от традиционных правых и левых, особенно в их привычных центристских модификациях, обычно добавляются ярлыки “ультра”, “радикальный”, “популистский”. *Правда, при этом совершенно не ставится вопрос, чем нынешние “ультра”, “радикалы” и “популисты” эпохи глобализации и постиндустриализма принципиально отличаются от своих идейных предшественников пятидесяти-столетней давности.*

Для описания альтернативных движений концептуального деления “правый-левый” явно недостаточно. Некоторые ключевые моменты в идеологии

²⁴ Соответствующая методологическая проблема подробно проанализирована в статье [Сергеев, Казанцев, Петров 2017].

и практиках современных альтернативных движений, обусловленные спецификой современности [Гидденс 2011], выпадают.

Можно описать два ключевых момента, определяющих негативное отношение альтернативных сил к глобализации. Первый носит экономический характер, это проблема свободы международной торговли. Второй момент — культурно-политический: он включает в себя проблематику возможности и желательности существования мультикультуральных обществ. При этом четко видно, что отношение рассматриваемых нами альтернативных групп к процессу глобализации негетерогенно, т.е. разные группы борются с различными аспектами глобализации. В этом плане обнаруживается условность даже такого общего для альтернативных групп классификационного признака, как антиглобализм (альтерглобализм). Он присутствует в той или иной мере всегда, но проявляется в конкретных случаях очень по-разному.

Трансформация партийной системы после кризиса 2008 г.

Делению альтернативных структур на правых и левых более или менее соответствует отношение к *мультикультурализму*. Видимо, именно по этому критерию традиционное членение “работает” лучше всего. Более или менее негативно к нему относятся правые и ультраправые группы: UKIP, “Йоббик”, “Лига Севера”²⁵, “Истинные финны”, AfD, “Национальный фронт”. Здесь видна генетическая связь с традиционным национализмом правых сил. Позитивно к *мультикультурализму* относятся левые и ультралевые группы, такие как “Подemos”, “Сириза”, M5S. Здесь прослеживается генетическая связь с традиционным для левых сил интернационализмом.

Правда, следует отметить, что и здесь одни и те же избиратели, поддерживающие альтернативные группы, могут колебаться, склоняясь то на сторону условных “ультраправых”, то условных “ультралевых”. Поэтому, возможно, этот ценностно-идеологический момент, связанный с традиционными правыми или левыми идеологиями, является остаточным и со временем исчезнет. Тем более что в истории Европы уже были примеры “сползания” левых партий на позиции национализма (Французская коммунистическая партия после Второй мировой войны), а правых групп — в сторону элементов интернационализма (движения типа “еврофашизма”).

Любопытно, что те структуры, которые выступают против мультикультурализма, часто используют образ мигранта в качестве “образа врага”, а те структуры, которые его поддерживают — образ капиталиста, представителя мировой финансовой олигархии. Здесь также видна генетическая связь с традиционной ультраправой и ультралевой идеологиями. Но при анализе современных альтернативных структур однозначно “привязать” использование первого “образа врага” к правым, а второго к левым не всегда возможно. Например, нынешний лидер “Национального фронта” Марин Ле Пен использует как традиционные ультраправые, так и традиционные ультралевые лозунги, т.е. присутствуют, хотя и в разной мере, и враг-мигрант, и враг-капиталист, финансовый олигарх. При этом доля левой риторики в пропаганде “Национального фронта” именно при Марин Ле Пен резко усилилась²⁶.

²⁵ Среди исследователей есть разногласия относительно определения политической позиции “Лиги Севера” в ее первоначальном виде. Наблюдатели леволиберального направления отмечают наличие в ней элементов ультраправой идеологии. Наблюдатели праволиберального направления полагают, что это — правоцентристская партия с признаками всеохватности.

²⁶ Не все члены “Национального фронта” поддерживают такой сдвиг “влево”, и Марин Ле Пен пришлось даже исключить из партии своего отца — основателя партии.

Несмотря на то, что все рассмотренные структуры удачно адаптировались к появлению интернет-технологий и, в общем, не имеют серьезной поддержки традиционных СМИ, все они характеризуются различной степенью использования сетевых технологий в интернете для мобилизации сторонников. Наибольшая степень использования сетевых технологий²⁷ характерна для итальянского *M5S*, наименьшая — для более традиционалистского французского “Национального фронта”.

Нет четкого членения рассматриваемых альтернативных структур даже по принципу религиозности или поддержки религии. Традиционно считается, что правые поддерживают религию, левые выступают против. Однако как быть с имеющим явную антиклерикальную направленность движением “Паликота” в Польше, перехватившим часть электората правых в лице групп, настроенных против глобализации?

Наконец, выходит за пределы деления на правых и левых и попытка классификации по критерию ориентации на одного лидера. Среди рассмотренных структур можно выделить явно вождистские движения (“Национальный фронт”, *M5S*) и явно невождистские, “сетевые”, не имеющие единого лидера (пиратские партии). По критерию вождизма вообще нет сводимости к традиционному членению на правых и левых, так как среди вождистских движений находятся правый “Национальный фронт” и левое *M5S*, а среди невождистских — не имеющие ярко выраженной ориентации в оппозиции “правый-левый” пиратские партии. Не связан вождизм и со степенью освоения новых сетевых технологий. Так, *M5S* — наиболее передовая структура в плане их освоения — близко к образцу вождистской партии.

Конкретизируя рассмотренные теоретические аспекты, рассмотрим эволюцию двух “альтернативных” движений — *M5S* (Италия) и *AfD* (ФРГ). Первое формально относят к левому спектру, второе — к правому.

M5S — политический проект популярного итальянского сатирика Беппе Грилло и поддерживавшего его предпринимателя Джанроберто Казаледжио — появилось на горизонте итальянской политики к началу 2010-х годов²⁸. Партия была основана в 2009 г. в Генуе на базе “Друзей Беппе Грилло” — движения, получившего поддержку избирателей на региональных выборах в Сицилии в 2008 г. Кстати, любопытным было при этом организационное смешение политически разнородных севера (Генуя) и юга (Сицилия) Италии.

M5S — уникальный пример того, как на базе интернет-платформы буквально в одночасье может возникнуть новое популярное движение с хорошими электоральными перспективами. Его можно назвать самым успешным в мире политическим проектом на платформе интернет-сетей. Движение получало “обкатку” в региональных предвыборных кампаниях в 2010-2012 гг. С 2012 г. кандидаты от движения стали успешно выступать на муниципальных выборах в городских округах. В 2016 г. были одержаны громкие победы на выборах мэра в Турине и Риме²⁹.

²⁷ Вплоть до отбора самих партийных кандидатов через интернет-платформы.

²⁸ Джанроберто Казаледжио (*Gianroberto Casaleggio*) — основатель и владелец компании *Casaleggio associati strategie direte*, которая занимается консалтингом сетевых организаций, применением онлайн-технологий в организации технологических процессов и организационных изменений компаний. Является одним из идеологов использования новых технологий и сетевых форм в политике. Совместно с Б. Грилло опубликовал книгу [Grillo, Fo, Casaleggio 2013].

²⁹ Наиболее крупный успех на муниципальных выборах движение отпраздновало в 2016 г. После коррупционного скандала в Демократической партии, контролировавшей мэрию Рима, на внеочередных выборах кандидат от *M5S* адвокат Вирджиния Раджи победила на выборах мэра.

Для подбора кандидатов на выборах всех уровней активно используются праймериз. Движение требует от их победителей полной прозрачности при осуществлении последующих полномочий, в контракте с кандидатами юридически прописаны крупные штрафы за подрыв имиджа партии.

Даже после первых электоральных успехов Б. Грилло отрицал, что его проект является партией. На уровне названия авторы ограничились относительно нейтральным термином “движение”. Более того, в самой идеологии *M5S* заложено отрицание традиционной политической системы координат, деления политического спектра на правых и левых.

Сила движения состоит в том, что оно оппонирует всем остальным участвующим в предвыборной гонке партиям: “Мы хотим прогнать всех, свести все к нулю, у нас — новые представления о культуре и цивилизации. Для нас не представляет интереса замена 20% старых политиков на новых политиков. Нам нужна стопроцентная замена, и когда мы этого добьемся, движение прекратит свое существование, потому что в этом его миссия... Граждане станут государством”³⁰.

Как о существенной политической силе *M5S* заявило о себе на общенациональных выборах 2013 г., получив более 25% голосов и став главной сенсацией выборов. Большинство ценностей и политических приоритетов движения радикально отличались от тех, которых придерживались остальные участники предвыборной гонки 2013 г.: утверждалась необходимость прямой демократии, экологическая направленность, евроскептицизм и борьба с коррупцией. При этом все перечисленные идеологические моменты, кроме евроскептицизма, характерны для левых, а евроскептицизм — для правых. Кроме того, сам Б. Грилло известен критическим отношением к Израилю (что характерно обычно для левых в контексте “палестинской проблемы”) и симпатиями по отношению к Ирану (что вообще оригинально).

В предвыборной программе движения были названы такие требования, как референдум по отказу от евро, отмена деления страны на провинции, сокращение рабочей недели до 20 часов, резкое увеличение минимальной зарплаты при одновременном отказе от мер бюджетной экономии, сокращение зарплаты политикам, бесплатный свободный доступ к интернету, отказ от любых форм цензуры в виртуальном пространстве, свободное распространение информации. По последним требованиям *M5S* похоже на “пиратские партии” Северной Европы.

Политическая платформа *M5S* постоянно меняется, но всегда проникнута популизмом и отчасти евроскептицизмом, что хорошо прослеживается в программе последних выборов в Европарламент. На национальных выборах существенной частью программы был энвайронментализм. На выборах в Европарламент главным направлением критики стал “порог 3%” в соотношении дефицит / ВВП, который, по мнению лидера движения, ограничивает развитие инновационных отраслей итальянской экономики.

Наиболее молодая часть электората (условно — до 24 лет) демонстрирует предпочтительный интерес к Демократической партии, которой в глазах этой части удалось утвердить имидж «прогрессивной» партии. Напротив, более старшая возрастная группа (условно — от 24 до 29 лет) преобладающим образом поддерживает *M5S*, что, по нашему мнению, объяснимо тем, что в большинстве своем его представители застали в сознательном возрасте времена «*Forza Italia*» («Вперед, Италия!» Берлускони) и блока *Popolo della Libertà* («Народ Свободы»,

³⁰ Перевод выступления Беппе Грилло, 27.01.2013 г.

Берлускони), расцвета движений, обманувших надежды своих избирателей. По сравнению с этими партиями движение Б. Грилло действительно внушает надежды на обновление политической системы.

M5S не ведет переговоров с политическими оппонентами, а распространенная форма выражения несогласия на парламентских слушаниях — бойкот или акции протеста прямо в зале заседаний (in Aula). Те случаи, когда M5S находит себе союзников по отдельным законопроектам, обычно заканчиваются “разворотом” на 180 градусов и выходом из дискуссии. Что характерно, M5S чаще всего блокируется с правыми на почве евроскептицизма (“Вперед, Италия!”, изредка — с “Лигой Севера”), а не с левыми.

В Германии, обладающей стройной и устойчивой партийной структурой, изначально “точкой сбора” альтернативных сил нового типа стало правопопулистское движение, ориентированное на решение одного вопроса — выход Германии из еврозоны и возвращение к собственной валюте. Актуальность вопроса была стимулирована экономическим кризисом в Греции и других странах Южной Европы, а также значимой ролью Германии в оказании экономической помощи этим странам (последнее вызывает серьезное недовольство многих избирателей). Позднее проблемное поле расширилось из-за миграционного кризиса.

Среди наиболее известных участников движения был профессор экономики Тюбингенского университета Йоахим Штарбатти (*Joachim Starbatty*). Он прославился попытками в судебном порядке предотвратить введение евро и нашу-мевшим коллективным иском в Конституционный суд ФРГ против создания в еврозоне стабилизационных фондов. Немецкой общественности хорошо знаком по многочисленным публикациям и выступлениям в телевизионных ток-шоу Ханс-Олаф Хенкель (*Hans-Olaf Henkel*). В прошлом он руководил немецким и европейским отделениями американской корпорации *IBM* и был президентом ведущего в Германии союза промышленников и предпринимателей — Федерального объединения немецкой промышленности (*BDI*)³¹. В конце концов данное движение трансформировалось в политическую партию *AfD*.

Ключевая позиция *AfD*: введение евро было исторической ошибкой, Германия должна ее исправить, поскольку продолжение нынешнего политического курса угрожает миру в Европе, нарушает нормы правового государства и противоречит здравому смыслу [Шольц, Гурков 2013]. Утверждается, что при А. Меркель произошла деградация германского парламентаризма, а депутаты превратились в послушных исполнителей воли правительства. Партия требует большей демократии в Германии, в частности, проведения референдумов по ключевым вопросам политики.

С 2013 г. по 2015 г. лидером партии был профессор макроэкономики Гамбургского университета Бернд Лукке (*Bernd Lucke*). Тогда партия была, преимущественно евроскептической. В 2015 г. позицию лидера перехватила выходец из ГДР Фрауке Петри (*Frauke Petry*). При ней в идеологию данной структуры были инкорпорированы антииммигрантские лозунги, что произошло под влиянием миграционного кризиса.

В момент создания весной 2013 г. партия насчитывала, по собственным данным, уже несколько тысяч членов. Появление *AfD* всерьез обеспокоило

³¹ Шольц К.А., Гурков А. Партия противников евро начинает борьбу за голоса немцев. — *Deutsche Welle*. 15.04.2013. Доступ: <http://www.dw.de/партия-противников-евро-начинает-борьбу-за-голоса-немцев/a-16744954> (проверено 06.04.2017).

европейский истеблишмент³²: часто повторялось, что успех партии привел бы к уничтожению ЕС в его нынешнем виде.

Учредительный съезд новой структуры состоялся в апреле 2013 г. Многие участники съезда были в прошлом членами партий нынешней правящей коалиции – консервативной ХДС и либеральной СвДП. Бернд Луке на протяжении 33 лет состоял в ХДС. Миграция “системных” политиков в *AfD* продолжается и поныне.

Политикой канцлера А. Меркель по спасению евро за счет немецких налогоплательщиков недовольны не только крайние консерваторы и некоторые предприниматели. *AfD* симпатизирует и левый электорат [Меден 2013]. Сенсацией соцопросов весной 2013 г. стала популярность новой партии. Опросы, проведенные в связи с учредительным съездом *AfD*, показали ее поддержку от 17 до 26%, т.е. почти как у социал-демократов. Этого оказалось недостаточно для серьезного электорального успеха, поэтому *AfD* в ходе сентябрьских выборов в бундестаг набрала по спискам и округам только 4,7% и 1,9% соответственно. Таким образом, новая партия не преодолела 5%-й барьер³³. Правда, на тех же выборах барьер не преодолела (впервые с 1949 г.) и либеральная партия СвДП, партнер ХДС/ХСС по коалиции. Впрочем, появление новой партии быстро привело к изменению партийно-политической структуры Германии. Следующие выборы в бундестаг в 2017 г. принесли *AfD* несомненный успех. Было получено 12,6% голосов, что дало 94 депутатских мандата. Партия вышла на третье место в стране и стала ключевым фактором дестабилизации немецкой политики.

ВЫВОДЫ

Уменьшение различий между левым и правым центром в рамках “мейн-стрима” на фоне мирового экономического кризиса привело к росту “альтернативных” движений.

Новые движения имеют следующие характеристики: ключевая роль идеологии альтернативности (антимейнстримности); антиглобализм (альтерглобализм); призывы к политике, противостоящей общепринятому и устоявшемуся комплексу экспертных знаний в рамках взаимодействия структур власти и знания; резко отрицательное отношение к существующему истеблишменту (политической элите); полное или частичное неприятие традиционных организационных форм и связанное с этим активное использование новых сетевых и информационных технологий.

Однако далее начинаются очень серьезные различия ценностно-идеологического характера между конкретными движениями. Одни из этих групп связаны с традиционными правыми, другие – с традиционными левыми идеологиями. В одних случаях имеет место чистая инициатива “снизу”, в других случаях она взаимодействует с попытками каких-то элитных сил потеснить своих конкурентов через использование нетрадиционных инструментов политической борьбы³⁴.

Альтернативные движения в результате “захвата изнутри” (в США) или “вызова снаружи” (в странах ЕС) теснят своих конкурентов, имеющих цен-

³² Меден Н. Политические партии Германии перед выборами в бундестаг. – *Фонд Стратегической культуры*. 23.04.2013. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2013/04/23/politicheskie-partii-germanii-pered-vyborami-v-bundestag-20186.html> (проверено 06.04.2017).

³³ Фирсова Т., Нехорошкин С. Блок Меркель выиграл выборы в бундестаг. – *РИА Новости*. 23.09.2013. Доступ: <https://ria.ru/world/20130923/965047166.html#ixzz2icloYKTU> (проверено 06.04.2017).

³⁴ Появился термин “астротурфинг” – мимикрия под низовое политическое движение. Часто в подобной мимикрии обвиняют “Движение чаепития”, похожие обвинения можно адресовать испанской партии “Подemos”, итальянскому *M5S*.

тристскую позицию. В странах ЕС это привело к появлению большого числа новых партий “альтернативного характера”. В США резкая поляризация политической системы и ослабление умеренных крыльев внутри республиканцев и демократов, проявившаяся в деятельности двух противостоявших друг другу течений (*TRM* и *Оссиру*), была одним из факторов, приведших к победе на президентских выборах Д. Трампа, кандидата, который воспринимался как наименее связанный с традиционным политическим истеблишментом.

- Адорно Т. 2012. *Исследование авторитарной личности*. М.: Астрель, Neoclassic. 480 с.
- Бард А., Зодерквист Я. 2004. *Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма*. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге. 252 с.
- Гилденс Э. 2011. *Последствия современности*. М.: Практикс. 352 с.
- Кастельс М. 2000. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. М.: ГУ ВШЭ. 608 с.
- Кастельс М. 2016. *Власть коммуникации*. М.: ГУ ВШЭ. 568 с.
- Мойзес Н. 2015. *Конец власти. От залов заседаний до полей сражений, от церкви до государства. Почему управлять сегодня нужно иначе*. М.: АСТ. 512 с.
- Сергеев В.М., Казанцев А.А., Петров К.Е. 2017. Политика “мейнстрима” и ее альтернативы в современном западном мире: на пути от мирового экономического кризиса к “невозможной политике?”. — *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 8-29. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.02>
- Стиглиц Дж. 2015. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: ЭКСМО. 512 с.
- Allport G. 1979. *The Nature of Prejudice*. New York: Basic Books. 576 p.
- Amedee G.L. 2013. Movements Left and Right: Tea Party and Occupied Wall Street in the Obama Era. — *Race, Gender & Class*. No. 3/4. P. 33-39.
- Arceneaux K., Nicholson S. 2012. Who Wants to Have a Tea Party? The Who, What, and Why of the Tea Party Movement. — *PS: Political Science and Politics*. Vol. 4. No. 45. P. 700-710. <https://doi.org/10.1017/S1049096512000741>
- DiMaggio A. 2011. *The Rise of the Tea Party: Political Discontent and Corporate Media in the Age of Obama*. New York: NYU Press. 272 p.
- Fallin A., Grana R., Glantz S. 2013. To Quarterback Behind the Scenes, Third-Party Efforts: the Tobacco Industry and the Tea Party. — *Tobacco Control*. February. URL: <http://tobaccocontrol.bmj.com/content/23/4/322> (accessed 06.04.2017).
- Feuer L.S. 1975. *Ideology and the Ideologists*. New York: Harper & Row. 213 p.
- Foley E.P. 2011. Sovereignty, Rebalanced: The Tea Party and Constitutional Amendments. — *Tennessee Law Review*. Vol. 78. P. 751-765.
- Fukuyama F. 2012. The Future of History: Can Liberal Democracy Survive the Decline of the Middle Class? — *Foreign Affairs*. Vol. 91. No. 1. P. 53-61.
- Grillo B., Fo D., Casaleggio G. 2013. *Grillo canta sempre al tramonto. Dialogo sull'Italia e il Movimento 5 stelle*. Milan: Chiarelettere. 200 p.
- Gunther R., Diamond L. 2003. Species of Political Parties. A New Typology. — *Party Politics*. Vol. 9. No. 2. P. 167-199. <https://doi.org/10.1177/13540688030092003>
- Hinkle S., Fox-Cardamone L., Haseleu J.A., Brown R., Irwin L.M. 1996. Grassroots Political Action as an Intergroup Phenomenon. — *Journal of Social Issues*. Vol. 52. No. 1. P. 39-51. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1996.tb01360.x>
- Inglehart R. 1977. *The Silent Revolution*. Princeton University Press. 482 p.
- Jacobson G. 2011. Barack Obama, the Tea Party, and the 2010 Midterm Elections. — *Annual Meeting*. Chicago: Midwestern Political Science Association.
- Kirby D., Ekins E. 2012. Libertarian Roots of the Tea Party. — *Policy Analysis*. No. 705. URL: <https://object.cato.org/pubs/pas/PA705.pdf> (accessed 17.01.2018).
- Lipset S.M. 1960. *Political Man: The Social Bases of Politics*. New York: Doubleday & Company. 477 p.

- Lipset S.M., Marks G. 2000. *It Didn't Happen Here: Why Socialism Failed in the United States*. New York: W.W. Norton & Company. 379 p.
- Lipset M., Rokkan S. 1967. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York: Free Press. 554 p.
- Norris P. 2004. *Electoral Engineering. Voting Rules and Political Behavior*. Cambridge: Cambridge University Press. 375 p.
- Pasquino G. 2005. The Political Science of Giovanni Sartori. — *European Political Science*. Vol. 4. No. 1. P. 33-41. <https://doi.org/10.1057/palgrave.eps.2210003>
- Rauch J. 2010. Group Think: Inside the Tea Party's Collective Brain. — *National Journal*. 11.09.
- Sartori G. 1976. *Parties and Party Systems*. Cambridge: Cambridge University Press. 383 p.
- Williamson V., Skocpol T., Coggin J. 2011. The Tea Party and the Remaking of Republican Conservatism. — *Perspectives on Politics*. Vol. 9. No. 1. P. 25-43. <https://doi.org/10.1017/S153759271000407X>

DOI: 10.17976/jpps/2018.02.10

THE CRISIS OF CONTEMPORARY U.S. AND EU PARTY SYSTEMS: CAUSES AND CHARACTERISTICS

V.M. Sergeev¹, A.A. Kazantsev¹, K.E. Petrov¹, S.M. Medvedeva¹

¹Moscow State Institute of International Relations. MFA of Russia. Moscow, Russia

SERGEYEV Viktor Mikhailovich, Dr. Sci. (Hist.), Director of the Center for Global Problems, Institute of International Studies, MGIMO-University. Email: laris-pulena@rambler.ru; KAZANTZEV Andrei Anatol'evich, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Director of the Analytical Center, Institute of International Studies, MGIMO-University. Email: andrka@mail.ru; PETROV Kirill Evgen'evich, Cand. Sci. (Pol. Sci.), researcher, Institute of International Studies, MGIMO-University. Email: orkir@mail.ru; MEDVEDEVA Svetlana Mikhailovna, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Associate Professor, Department of Philosophy, MGIMO-University. Email: svetamedvedeva@mail.ru

Sergeev V.M., Kazantsev A.A., Petrov K.E., Medvedeva S.M. The Crisis of Contemporary U.S. and EU Party Systems: Causes and Characteristics. — *Polis. Political Studies*. 2018. No. 2. P. 130-149. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.10>

Received: 06.07.2017. Accepted: 18.12.2017

Abstract. The article discusses a number of cases relating to the latest trends in the development of the party-political systems in the US and EU countries. Article presents analysis of such U.S. movements as "Occupy Wall Street", "Tea Party" and M5S and the Alternative for Germany among the European parties. On this basis, the causes of the contemporary crisis of the party-political system are analyzed. Among the reasons of such a crisis the authors include: the presence of the losers from globalization, especially in the lower middle class; increased competition from migrants both in terms of access to jobs, and in obtaining social benefits; the psychological readiness of a number of losers of the middle class to explain the deterioration of their socio-economic situation as a consequence of the global "conspiracy of elites"; the erosion of the traditional structure of industrial society and the consequent degradation of the existing political consensus of the center-right and center-left parties that was an engine of the globalization; the separation of the globalized elite from the middle class of Western countries in the standard of living; virtualization of politics and the emergence of new types of mass communication, low controlled centrally and allowing various alternative forces to easily find contact with a mass audience; tactical errors by mainstream forces and traditional media controlled by them in counter-attempts to demonize new political movements, which intensifies protest moods among the dissatisfied part of the middle class. As a result, a broad antiglobalistic identity emerges in Western politics. Alternative movements mobilize a significant number of supporters, using the image of the enemy: either a migrant or a global capitalist. Alternative movements press on their centrist competitors as a result of a "grip from the inside" (in the U.S.) or as a result of a "challenging outside" (in the EU countries). In the EU countries, this trend has led to partial dismantling of party systems, as well as the distribution of seats in parliament in favor of representatives of new parties. In the U.S., under the influence of the Tea Party Movement and the Occupy movement, the moderate wings within the Republicans and Democrats were weakened, which was one of the important factors that led to the victory of D. Trump in the 2016 presidential election.

Keywords: globalization; party system; evolution of politico-party systems; EU; U.S.; radical movements; anti-globalization movements; Occupy Wall Street; Tea Party Movement; Five Star Movement; Alternative for Germany.

References

- Adorno T.W. Studien zum autoritären Charakter. (Russ. ed.: Adorno T.W. *Issledovanie avtoritarnoi lichnosti*. Moscow: Astrel, Neoclassic. 2012. 480 p.)
- Allport G. *The Nature of Prejudice*. New York: Basic Books. 1979. 576 p.
- Amedee G.L. Movements Left and Right: Tea Party and Occupied Wall Street in the Obama Era. — *Race, Gender & Class*. 2013. No. 3/4. P. 33–39.
- Arceneaux K., Nicholson S. Who Wants to Have a Tea Party? The Who, What, and Why of the Tea Party Movement. — *PS: Political Science and Politics*. 2012. Vol. 4. No. 45. P. 700–710. <https://doi.org/10.1017/S1049096512000741>
- Bard A., Söderqvist J. Netocracy — The New Power Elite and Life after Capitalism. (Russ. ed.: Bard A., Söderqvist J. *Netokratiya. Novaya pravayashchaya elita i zhizn' posle kapitalizma*. Saint Petersburg: Stockholm School of Economics Russia. 2004. 252 p.)
- Castells M. Communication Power. (Russ. ed.: Castells M. *Vlast' kommunikatsii*. Moscow: GU VShE. 2016. 568 p.)
- Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. (Russ. ed.: Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura*. Moscow: GU VShE. 2000. 608 p.)
- DiMaggio A. *The Rise of the Tea Party: Political Discontent and Corporate Media in the Age of Obama*. New York: NYU Press. 2011. 272 p.
- Fallin A., Grana R., Glantz S. To Quarterback behind the Scenes, Third-Party Efforts: the Tobacco Industry and the Tea Party. — *Tobacco Control*. February. 2013. URL: <http://tobaccocontrol.bmj.com/content/23/4/322> (accessed 06.04.2017).
- Feuer L.S. *Ideology and the ideologists*. New York: Harper & Row. 1975. 213 p.
- Foley E.P. Sovereignty, Rebalanced: The Tea Party and Constitutional Amendments. — *Tennessee Law Review*. 2011. Vol. 78. P. 751–765.
- Fukuyama F. The Future of History: Can Liberal Democracy Survive the Decline of the Middle Class? — *Foreign Affairs*. 2012. Vol. 91. No. 1. P. 53–61.
- Giddens A. The Consequences of Modernity. (Russ. ed.: Giddens A. *Posledstviya sovremennosti*. Moscow: Praxis. 2011. 352 p.)
- Grillo B., Fo D., Casaleggio G. *Grillo canta sempre al tramonto. Dialogo sull'Italia e il Movimento 5 stelle*. Milan: Chiarelettere. 2013. 200 p.
- Gunther R., Diamond L. Species of Political Parties. A New Typology. — *Party Politics*. 2003. Vol. 9. No. 2. P. 167–199. <https://doi.org/10.1177/13540688030092003>
- Hinkle S., Fox-Cardamone L., Haseleu J.A., Brown R., Irwin L.M. Grassroots Political Action as an Intergroup Phenomenon. — *Journal of Social Issues*. 1996. Vol. 52. No. 1. P. 39–51. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1996.tb01360.x>
- Inglehart R. *The Silent Revolution*. Princeton University Press. 1977. 482 p.
- Jacobson G. Barack Obama, the Tea Party, and the 2010 Midterm Elections. — *2011. Annual Meeting*. Chicago: Midwestern Political Science Association.
- Kirby D., Ekins E. Libertarian Roots of the Tea Party. — *Policy Analysis*. 2012. No. 705. URL: <https://object.cato.org/pubs/pas/PA705.pdf> (accessed 17.01.2018).
- Lipset M., Rokkan S. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York: Free Press. 1967. 554 p.
- Lipset S.M. *Political Man: The Social Bases of Politics*. New York: Doubleday & Company. 1960. 477 p.
- Lipset S.M., Marks G. It Didn't Happen Here: Why Socialism Failed in the United States. New York: W.W. Norton & Company. 2000. 379 p.
- Moisés N. The End of Power: From Boardrooms to Battlefields and Churches to States, Why Being In Charge Isn't What It Used to Be. (Russ. ed.: Moisés N. *Konets vlasti. Ot zalov zasedanii do polei srazhenii, ot tserkvi do gosudarstva. Pochemu upravlyat' segodnya nuzhno inache*. Moscow: AST. 2015. 512 p.)
- Norris P. *Electoral Engineering. Voting Rules and Political Behavior*. Cambridge: Cambridge University Press. 2004. 375 p.
- Pasquino G. The Political Science of Giovanni Sartori. — *European Political Science*. 2005. Vol. 4. No. 1. P. 33–41. <https://doi.org/10.1057/palgrave.eps.2210003>
- Rauch J. Group Think: Inside the Tea Party's Collective Brain. — *National Journal*. 11.09.2010.
- Sartori G. *Parties and Party Systems*. Cambridge: Cambridge University Press. 1976. 383 p.
- Sergeyev V.M., Kazantsev A.A., Petrov K.E. The Policy of “Mainstream” and Its Alternatives in the Modern Western World: on the Way from the World Economic Crisis to “Impossible Politics?” — *Polis. Political Studies*. 2017. No. 3. P. 8–29. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.02>
- Stiglitz J. The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future. (Russ. ed.: Stiglitz J. *Tsena neravenstva. Chem rassloenie obshchestva grozit nashemu budushchemu*. Moscow: EKSMO. 2015. 512 p.)
- Williamson V., Skocpol T., Coggin J. The Tea Party and the Remaking of Republican Conservatism. — *Perspectives on Politics*. 2011. Vol. 9. No. 1. P. 25–43. <https://doi.org/10.1017/S153759271000407X>